

УДК 347.61/.64

В статье анализируются в ретроспективном и перспективном аспектах соглашения супругов по поводу имущества, нажитого в браке и до брака; проводится разграничение между брачным договором и соглашением о разделе общего супружеского имущества; акцентируется внимание на некоторых специфических объектах собственности супругов.

Ключевые слова: соглашение; брачный договор; интересы семьи; раздел имущества.

The article analyzes in a retrospective and prospective aspects of the agreement of the spouses concerning the property acquired during marriage and before marriage, a distinction between the marriage contract and the agreement on the division of property acquired during the marriage. The author focuses on some specific property objects of the spouses.

Keywords: agreement; marriage contract; interests of the family; division of property.

Н. Н. Тарусина

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: nant@uniyar.ac.ru

О соглашениях супругов по поводу имущества: вчера, сегодня, завтра

Научная статья

N. N. Tarusina

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Agreements of the Spouses Concerning Property: Yesterday, Today, Tomorrow

Scientific article

Супруги являются особенными субъектами российского права в конституционно-правовой, административно-правовой, уголовно-правовой, финансово-правовой, гражданско-правовой и многих других сферах, ибо не обязаны в суде свидетельствовать по делу супруга, ограничены в занятии государственных должностей, обладают некоторыми финансовыми льготами и обременениями, имеют наследственные преимущества и т. п. Еще более очевидна их особенность в семейно-правовой сфере, в том числе в имущественной ее части. Супруги являются субъектами гражданского оборота – и это дает им как общегражданские возможности участвовать в соответствующих правоотношениях, так и возможности специфические, ориентированные, в большей или меньшей степени, на обеспечение, охрану и защиту интересов семьи, общие начала семейного законодательства.

Право супругов заключать между собой любые договоры, как правило, не подвергалось сомнению в тех правовых системах, где был принят принцип раздельности имущества супругов. Так, в Древнем Риме между мужем и женой могли существовать

имущественные отношения как между всякими частными лицами – субъектами гражданского оборота, кроме дарения: данный акт воспрещался между ними для того, чтобы любовь одного супруга к другому не могла явиться причиной имущественных вымогательств со стороны этого последнего.

Вывод о характере имущественных отношений между супругами в древнейший период русской истории, весьма бедной памятниками семейного права, как отмечает Г. Ф. Шершеневич, может быть сделан только на основании общих памятников литературы, однако при этом очевидно, что в эпоху господства физической силы и полного подчинения жены мужу ни о какой имущественной самостоятельности женщины не могло быть и речи. Позднее появились некоторые элементы независимости, которые, впрочем, под татарским влиянием были в значительной степени утрачены. Много способствовал освобождению русской женщины Петр I. Некоторое значение в становлении института раздельной собственности и права совершения сделок между супругами, а также супруги с третьими лицами придают влиянию русских императриц,

© Тарусина Н. Н., 2016

«которые приняли к сердцу положение женщины». В то же время, разумеется, свобода эта находилась скорее где-то между «пыткой и попыткой», нежели в роли реального обеспечителя прав супруги, относительно значительных в имущественной сфере и достаточно мифических – в лично-правовой. Так, в 1753 году сенат по делу Головиной нашел, что жена может продать свое имение без согласия мужа, а в 1763 году, напротив, признал недействительным договор между супругами ввиду личной зависимости жены от мужа [1, с. 614]. Как известно, российское имперское гражданское законодательство предусматривало режим раздельности имущества супругов, что было, с учетом очевидного гендерного неравенства правовых статусов мужчины и женщины [2, с. 100], прогрессивным решением российского законодателя в противовес европейским тенденциям того времени. При этом в Своде гражданских законов Российской империи отсутствовал механизм правового регулирования брачного (имущественного) договора – при общем подходе к самому браку как сделке. Однако он и не исключался в качестве гипотетической возможности, поскольку законом предполагались любые договоренности между супругами по поводу имущества. Причем для мусульман, иудеев и др., чьи супружеские отношения регулировались соответствующим конфессиональным правом, брачный договор являлся признанным обыкновением [3, с. 20–25]. Принцип раздельности (при общей диспозитивной норме о допущении различных соглашений) сохранился и после октябрьской революции. Однако, поскольку на практике он, в отличие от своей прежней прогрессивной роли, при внедрении общего принципа равенства правового статуса независимо от гендерной принадлежности оказался предпосылкой несправедливого раздела имущества вследствие расторжения брака, в котором труд женщины мог быть сосредоточен на домашнем хозяйстве, принцип раздельности был заменен на правило об общности имущества, нажитого в браке [4, с. 47], которое пребывает в «добром здравии» и по сей день, обогатившись в 1994 году конструкцией брачного договора, вставшего в ряд с соглашением о разделе общесупружеского имущества и другими сделками между супругами. Этот явленный нам договор, как мы неоднократно отмечаем в других работах [5, с. 34], отличается, к сожалению, своей склонностью к излишнему гражданско-правовому свободолобию.

В современном зарубежном законодательстве легальный режим супружеского имущества дифференцируется на три группы: режим общности (Франция, Швейцария, Италия, Нидерланды, ряд штатов США и др.), режим раздельности (Англия, большинство штатов США) и режим отложенной общности (Швеция, Норвегия, Дания, Исландия, Финляндия и др.) [6, с. 320–325]. Последний вариант предполагает раздельность имущества в браке, однако не исключает объединение его с последующим разделом на основе принципа равенства при разводе. При этом законодатель во всех трех случаях вынужден отступать от своих традиционных решений и искать новые оптимальные способы правового регулирования имущественных отношений в браке для выравнивания статусов женатого мужчины и замужней женщины.

При всех вариантах легального режима (как, впрочем, и в ряде случаев – при использовании технологии брачного договора) те или иные значимые интересы оказываются недостаточно защищенными. Управление и распоряжение общим имуществом (иногда и раздельным) осуществляется по различным правилам и с некоторыми ограничениями. Так, ГК Франции устанавливает, что супруги вправе только по взаимному согласию совершать сделки по безвозмездному отчуждению общего имущества, а также по сдаче его внаем и залогу. Остальным общим имуществом каждый из супругов вправе самостоятельно управлять при условии персональной ответственности за допущенные ошибки. Своим соглашением супруги могут расширить или сузить установленный законом размер общей совместной собственности. Они могут также заключить соглашение об управлении общей собственностью или о ее разделе. Указанные соглашения составляются в письменной форме и требуют нотариального удостоверения. Германское гражданское уложение предусматривает право каждого супруга заключать сделки для удовлетворения потребностей семьи. Однако супруг может взять на себя обязательство по распоряжению своим имуществом в целом только с согласия другого супруга (предварительного или последующего). Отказ в согласии без уважительной причины может быть преодолен решением опекунского суда. ГК Италии устанавливает, что каждый из супругов вправе требовать возмещения расходов, понесенных им лично, на цели семьи. Совершение между супругами обычных граж-

данско-правовых сделок особым образом законом не регулируется.

Советское и российское семейное законодательство, как мы уже отмечали, регулировало и регулирует имущественные отношения супругов в разные периоды своей истории существенно различным образом. Так, нормой ст. 12 Кодекса 1926 г. устанавливалось: «Супруги могут вступить между собой во все дозволенные законом имущественно-договорные отношения. Соглашения между супругами, направленные к умалению имущественных прав жены или мужа, недействительны и необязательны как для третьих лиц, так и для супругов, которым предоставляется в любой момент от исполнения их отказаться».

Ни в КоБС РСФСР 1969 г., ни в СК РФ 1996 г. подобная норма не отражена. В прибалтийском законодательстве советского периода данное правило присутствовало. Например, в норме ст. 28 КоБС Эстонской ССР устанавливалось: 1) супруги могут заключать между собой все дозволенные законом имущественные сделки, в том числе соглашения о полном или частичном разделе общего имущества, а также соглашения о порядке владения, пользования и распоряжения этим имуществом; 2) указанные сделки, направленные к умалению имущественных прав одного из супругов или противоречащие интересам детей, недействительны; 3) соглашения о разделе общесупружеского имущества подлежат обязательному нотариальному удостоверению, если такое имущество зарегистрировано в соответствующих органах на имя одного из супругов; по желанию супругов нотариальному удостоверению могут подлежать любые иные соглашения о разделе общей совместной собственности. При этом учет интересов детей должен был осуществляться на основе трех значимых положений: 1) дети при жизни родителей не имеют права на их имущество; 2) родители обязаны предоставлять содержание несовершеннолетним детям, а также совершеннолетним, однако нуждающимся, нетрудоспособным; 3) родители обязаны заботиться о детях, в том числе об их физическом развитии, обучении и подготовке к общественно полезной деятельности. Думается, что большая часть содержания указанных норм вполне могла бы использоваться при оптимизации современного российского семейного закона.

СК РФ 1995 г. содержит лишь указания на возможность применения норм гражданского права

(ст. 5), об обязательствах супругов (гл. 9) и о праве заключать предусмотренные кодексом семейно-правовые договоры (брачный договор, соглашение об алиментах и т. д.). Тем не менее по смыслу действующего семейного и гражданского законодательства супруги могут вступать в самые различные сделки. Нахождение в браке, как отмечает А. А. Иванов, никак не влияет на их сделкоспособность, однако в связи с ним между супругами могут возникнуть обязательства особого рода – как договорные (из брачного договора, соглашения об алиментах), так и внедоговорные (многие алиментные обязательства, обязательства по возмещению вреда, причиненного одним из супругов) [7, с. 293]. Очевидно, что состояние в браке влияет не только на ассортимент сделок, но и на условия их действительности. В частности, одним из ярких правил подобного рода является презумпция согласия при распоряжении одним из супругов общим имуществом (п. 2 ст. 35 СК РФ).

Поскольку российское семейное законодательство сочетало (в меньшей степени) и сочетает в себе начала общности и раздельности, ответ на вопрос об ассортименте «межсупружеских» сделок должен зависеть, как справедливо отмечает Е. А. Чефранова, от двух обстоятельств: 1) статуса имущества (личное или общее); 2) соответствия той или иной сделки по своей природе содержанию и цели, личному характеру супружеских отношений и основным началам семейного законодательства. Так, полагает автор, хотя в законе нет запрета на заключение супругами рентных договоров, они тем не менее невозможны, ибо противоречат семейному закону, в частности принципам ст. 1 и положениям п. 1 ст. 89 СК РФ о взаимопомощи в семье и обязанности материально поддерживать друг друга. Договор пожизненной ренты предполагает передачу рентополучателем своего имущества (как правило, недвижимого) в собственность плательщика ренты, который на этом основании обязуется выплачивать оговоренные суммы в течение его жизни. Договор пожизненного содержания с иждивением направлен, как известно, на обеспечение потребности в жилище, питании, одежде и уходе. Между тем супруг, утверждает Е. А. Чефранова, без всяких дополнительных условий обязан заботиться о другом супруге и материально поддерживать его. Хотя в последнее время участились случаи заключения «межсупружеских» рентных договоров, они не должны признаваться

законными и, соответственно, удостоверяются нотариусами, а регистратором сделок с недвижимостью – регистрировать их [8, с. 119–121].

Данная, в целом обоснованная, позиция нуждается, на наш взгляд, в уточнении. Поскольку нормы ст. 596–605 ГК РФ не устанавливают таких специальных требований, которые закреплены в нормах ст. 89–90 СК РФ (в частности, о нетрудоспособности управомоченного супруга и т. п. юридических фактах), они обладают дополнительными защитными возможностями. Собственно регулятивное субъективное право на материальную поддержку (п. 1 ст. 89 СК РФ) независимо от нетрудоспособности не поддержано соответствующим охранительным правом и не обладает свойством принудительного исполнения. Договориться можно, но без гарантий. Поэтому целесообразно, если отрицать «межсупружеские» рентные договоры, расширить возможности соглашений об алиментировании по типу первых. Тогда потребности в рентных договорах в браке или после расторжения брака не возникнет.

Супруги могут заключить соглашение о порядке пользования общим имуществом или личным имуществом каждого (одного) из супругов. Возможно доверительное управление общей собственностью, распоряжение ею на основе договора поручения, соглашение об объединении отдельных объектов добрачного имущества. Следует, однако, заметить, что регуляция их предлагается, по умолчанию, в обычном гражданско-правовом режиме. Между тем в зарубежном законодательстве, несмотря на формальное признание семейного права подотраслью права гражданского, довольно подробно отражены особенности подобного и иного сходного взаимодействия субъектов брачного правоотношения. Так, по законодательству Италии супруги могут договориться о создании имущественного семейного фонда и порядке управления им; в США (на уровне штатов), Чехии и других странах довольно подробно регламентируется управление общесупружеской собственностью, в том числе на основе соглашений; в Швейцарии супруги договариваются между собой об участии в семейном бюджете, компенсации одному из супругов, который обеспечивает ведение домашнего хозяйства, уход за детьми и/или помогает второму супругу в работе и т. д. Полагаем, что российское семейное законодательство также должно развиваться в направлении более просторного и подробного

регулирования имущественного взаимодействия субъектов брачного правоотношения.

Сделки между супругами по поводу совместной собственности невозможны, полагает Е. А. Чефранова, так как имущество в этом случае принадлежит всем участникам и никому в отдельности. Доля фиксируется только в результате раздела общесупружеского имущества – тогда и можно ею распорядиться. Особенно ярко, отмечает автор, это проявляется при совершении сделок с недвижимостью: сначала следует определить доли путем раздела, зарегистрировать право каждого из супругов и далее уже совершать любые сделки друг с другом, в том числе дарение. Однако при приобретении имущества, как допускает Е. А. Чефранова, возможно заключение соглашений об установлении долевой собственности на данные новые объекты, хотя такие сделки непосредственно и не предусмотрены семейным законом [8, с. 120–129]. Представляется, что расширение ассортимента соглашений (договоров) все же должно иметь лимиты, причем иного порядка, нежели в гражданско-правовом обороте, т. е. следует опираться на начала семейного законодательства. «Лакмусовой бумажкой» в этом вопросе должны быть, как мы уже отмечали, интересы семейной общности, кои отнюдь не предполагают любого развертывания событий, в том числе по вектору доминирования гражданско-правовых начал, даже и в имущественных отношениях. Гражданско-правовые сделки между супругами не должны подрывать основы законного имущественного режима, который был-таки избран супругами самостоятельно. Если они желают иных возможностей оперирования имуществом в браке, то могут заключить брачный договор – тот, по крайней мере, пусть и недостаточно, но отражает специфику семейных отношений.

Среди всех имущественных договоров между супругами традиционно особое место занимают соглашения о разделе совместной собственности. Раздел общесупружеского имущества традиционно осуществляется несколькими способами: соглашением (с нотариальным удостоверением), мировой сделкой в бракоразводном (ст. 24 СК РФ) или отдельном судебном процессе либо решением суда по преобразовательному иску одного из супругов, а также бывшего супруга.

Соглашение о разделе имущества было известно и прежнему законодательству. Более того, ряд цивилистов, анализируя соответствующие возможности КоБС РСФСР, полагали, что при заключении

договоров раздела общей совместной собственности и при оформлении свидетельств на долю в общем имуществе (после определения долей) супруги в принципе не связаны правилом о равенстве их долей, предусмотренном нормами ст. 21 КоБС РСФСР. Названное правило, как утверждает Н. М. Ершова, было важным для суда, разбирающего спор, но не для супругов, в бесспорном порядке устанавливающих свои доли. В нотариальной практике встречались договоренности о равных долях на дом, автомобиль, паенакопления и т. п., но были и такие, которые строились не на «формальном» равенстве, а «реальном»: супруги соглашались между собой, что «зафиксированное в юридическом документе распределение общей совместной собственности наиболее справедливо и отражает фактическое соотношение вклада каждого из них в совместно нажитое имущество» [9, с. 82–83].

На этот же момент указывал и В. А. Рясенцев: «Супруги не вправе изменить соглашением установленный законом режим общности их имущества. Однако сделки между супругами, имеющие целью установить конкретные права в пользу одного супруга за счет другого, сами по себе действительны. Так, будет законным соглашение между супругами об установлении неравных долей или дарении доли в праве на конкретное имущество, нажитое во время брака, например соглашение, в силу которого муж будет иметь больше или меньше половины в праве на общий жилой дом, или о том, что вклад, внесенный в сберегательную кассу за счет общих средств, будет принадлежать супругу-вкладчику» [10, с. 98–99].

На наш взгляд, это не вполне точное толкование смысла положений ст. 20–21 КоБС РСФСР. Поскольку требований госрегистрации сделок с недвижимостью не было установлено, они, конечно, могли осуществляться по указанной схеме. Однако соглашение о разделе имущества должно было подчиняться императивным правилам о равных долях независимо от вклада, и отступления от них могут быть только при наличии значимых причин. Последние были аналогичны тем, что определены, хотя и исчерпывающим образом, в норме п. 2 ст. 39 СК РФ. Поэтому фиксация большей доли супруга ввиду его большего вклада, возможность которой напрямую не исключается Н. М. Ершовой, противоречит сущности действовавшего тогда семейного закона. Поскольку же нотариусы по природе своей деятельности не могут осуществлять функции по кон-

кретизации правоотношений ситуационного типа (они лишь проверяют соответствие содержания акта формальным требованиям закона), постольку и раздел супружеского имущества не в равных долях официально мог быть осуществлен только судом на основании оценки интересов несовершеннолетних детей или заслуживающих внимания интересов одного из супругов. Причем обратите внимание на формулу: «... в отдельных случаях ...» (п. 1 ст. 21 КоБС РСФСР).

Действующий семейный закон в этом смысле вполне диспозитивен и содержит необходимую оговорку: доли признаются равными, «если иное не предусмотрено договором между супругами» (п. 1 ст. 39 СК РФ). Вопрос в том, о какого рода договоре идет речь: если о брачном, то ситуация вроде бы тождественна рассмотренной ранее; если о соглашении о разделе имущества или брачном договоре, то ситуация совершенно иная... Полагаем, что духу современного семейного закона отвечает последний вариант. Другое дело, что как и для брачного договора, так и для указанного соглашения необходимо предусмотреть *de lege ferenda* ограничители с целью защиты интересов более слабой стороны (при условии ее добросовестности), если таковой является один из супругов, а не несовершеннолетний ребенок. Впрочем, жизненно важные интересы несовершеннолетних детей можно было бы защитить косвенным образом – через супруга, с которым они остаются, – по аналогии с правилами законного режима.

Очевидно, что предмет соглашения составляют отношения общей совместной собственности с целью их прекращения – преобразования в собственность в личную или долевую, а также обязательственные отношения в части раздела в натуре, определения обязанностей по передаче отдельных объектов от супруга к супругу при необходимости выплаты компенсации за разницу в стоимости долей (при договоренности об их равенстве). Семейно-правовых санкций за неисполнение данного соглашения не предусмотрено. Можно согласиться с Е. А. Чефрановой, что в этом случае «обиженная сторона» вправе прибегнуть к гражданско-правовым мерам – взысканию убытков, процентов за пользование чужим имуществом, даже к компенсации морального вреда, если заинтересованный супруг (бывший супруг) докажет, что неисполнением договоренностей были нарушены его личные неимущественные права с причинением нравственных и физических страданий [8, с. 130].

Соглашение должно содержать положения о доле или пропорции, в которой производится раздел, и распределении вещей, входящих в состав общего имущества. «В принципе, – отмечает А. А. Иванов, – супруги могут ограничиваться распределением между собой общих вещей, не определяя размер доли, но никак не наоборот». Соглашение может также фиксировать дополнительные права и обязанности сторон. Например, в нем могут быть перечислены те действия, которые супруги должны предпринять для оформления права на объекты разделенной собственности, порядок и сроки передачи тех или иных вещей [7, с. 305].

Поскольку соглашение о разделе общесупружеского имущества может заключаться и в период брака, содержательно, как мы отмечали ранее, не исключено его совпадение с одной из версий брачного договора. В этом случае, по мнению Ю. В. Байгушевой, такое соглашение обладает его признаками и нуждается в нотариальном удостоверении [11, с. 100]. Однако это утверждение, поскольку оно было сформулировано до введения обязательной нотариальной формы, не было основано на точном толковании закона: по смыслу правила п. 2 ст. 38 СК РФ данная сделка является самостоятельной разновидностью брачных и постбрачных соглашений, а ее нотариальное удостоверение – правом, а не обязанностью сторон. Другое дело, что существенное взаимодействие указанных двух конструкций, возможно, должно быть уточнено *de lege ferenda*.

В любом случае брачный договор и соглашение о разделе имущества отличаются по субъектному составу (в первом – лица, вступающие в брак или супруги, во втором – супруги, бывшие супруги), содержанию (в первом могут определяться и меняться режим имущества, регулироваться алиментные права и обязанности, фиксироваться судьба имущества после расторжения брака, во втором – только последнее) и времени заключения (брачный договор – до брака, в браке, соглашение – в браке перед его расторжением или в процессе развода, после развода) [12, с. 63–69]. Данные конструкции являются также разнонаправленными. Признание их независимыми позволило некоторым авторам даже утверждать о приоритетности соглашения о разделе имущества, заключенного после брачного договора [13, с. 77]. Однако, как справедливо замечают О. Н. Низамиева и Р. А. Сакулин, в такой ситуации нотариально удостоверенное соглашение о разделе имущества

является, по сути, соглашением об изменении брачного договора [14, с. 69].

Таким образом, обобщение заявленной проблематики свидетельствует о богатой истории, дискуссионном настоящем и дальнейших перспективах развития института супружеских имущественных соглашений на стыке гражданско-правовых и семейно-правовых технологий регулирования (с не всегда обоснованным преобладанием первых).

Ссылки

1. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. Казань, 1905. 795 с.
2. Лушников А. М., Лушникова М. В., Тарусина Н. Н. Гендер в законе. М.: Проспект, 2015. 480 с.
3. Трапезникова М. М. Особенности развития института брачного договора в гражданском праве России XIX–XX вв. // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2011. № 4 (13). С. 20–25.
4. Тарусина Н. Н. Брак по российскому семейному праву. М.: Проспект, 2010. 224 с.
5. Тарусина Н. Н. Семейное право: в «оркестровке» суверенности и судебного усмотрения. М.: Проспект, 2014. 288 с.
6. Гражданское и торговое право зарубежных стран / под ред. С. Н. Бабурина, Р. А. Курбанова. М.: Юнити-Дана. 2013. 383 с.
7. Гражданское право / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М.: Проспект. 2007. Ч. 3. 784 с.
8. Чефранова Е. А. Порядок и условия совершения сделок между супругами // Проблемы гражданского, семейного и жилищного законодательства. М., 2005. С. 119–129.
9. Ершова Н. М. Вопросы семьи в гражданском праве. М.: Юридическая литература, 1977. 176 с.
10. Рясенцев В. А. Семейное право. М.: Юридическая литература, 1971. 224 с.
11. Байгушева Ю. В. Законный режим имущества супругов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. № 8. С. 12–15.
12. Невзгодина Е. Л. Соглашение о разделе имущества супругов и брачный договор // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2012. № 1. С. 63–69.
13. Сосипатрова Н. Е. Брачный договор: правовая природа, содержание, прекращение // Государство и право. 1999. № 3. С. 76–77.
14. Низамиева О. Н., Сакулин Р. А. Некоторые проблемы формирования содержания брачного договора // Государство и право. № 3. С. 66–73.